

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ЭГЕЙСКАЯ ГРЕЦИЯ: ПИСЬМЕННЫЕ И ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ЛЕСНАЯ Е.С.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Едва ли не первостепенное значение в жизни Херсонеса, начиная с самого раннего этапа его существования в V веке до н.э. и заканчивая временем гибели города, имели экономические, культурные и политические связи с греческим миром. В античности город был важным торговым портом, через который полисы Южного Причерноморья и Эгейской Греции вели торговлю с другими эллинскими колониями и местным негреческим населением Северного Причерноморья. Не менее важны были и культурные связи херсонеситов с греками Эгейского бассейна. Несмотря на определённую отдалённость полисов Северного Причерноморья от основных очагов греческой культуры, в которых кипела политическая и культурная жизнь, мы не вправе говорить о том, что Херсонес, Ольвия или города Боспора представляли собой глухую провинцию. Хотя культурные влияния и доходили сюда с неким опозданием, северопричерноморские эллины держали руку на пульсе событий и новых тенденций. Кажется даже удивительным, что до сих пор так и не было предпринято полного, всеобъемлющего исследования проблемы взаимоотношений Херсонеса с Эгейской Грецией в период классики и эллинизма. На сегодняшний день данные всех источников не были собраны воедино и, как следствие, уже в едином контексте друг с другом интерпретации не получили. В своём распоряжении мы имеем работы, в которых тема взаимоотношений Херсонеса и Эгеиды рассматривается в контексте изучения контактов всего Северного Причерноморья с полисами Эгейского бассейна, но раскрыта она всё же неполно. Работы по данной проблеме, касающиеся непосредственно Херсонеса, посвящены изучению отдельных групп импортной и местной керамики (в качестве примера можно привести работы С.Ю. Монахова, В.И. Каца, И.И. Вдовиченко, Т.В. Егоровой, Р.В. Стоянова и др.).

Для изучения взаимоотношений Херсонеса с Эгейской Грецией в период классики и эллинизма можно выделить три группы источников:

- 1) письменные свидетельства древних авторов о Херсонесе;
- 2) данные эпиграфики;
- 3) археологические источники.

В настоящей работе мы решили более подробно остановиться на данных письменных и эпиграфических источников, поскольку археологические материалы, в связи с их обширностью, заслуживают отдельного исследования.

Круг **письменных источников** по античному периоду истории Херсонеса крайне узок. До нашего времени сохранились сообщения нескольких авторов, и в контексте данной темы нам будут интересны «Перипл обитаемого моря» Псевдо-Скилака и «Землеописание» Псевдо-Скимна. Кроме того, крайне фрагментарная информация о Херсонесе содержится в VII книге «Географии» Страбона, в VI книге «Естественной истории» Гая Плиния старшего, в VIII книге «Военных хитростей» Полиена, и в «Объезде Эвксинского Понта» Псевдо-Арриана. В качестве косвенных источников по теме мы можем привлечь «Корпус речей Демосфена».

В сообщении Псевдо-Скилака впервые встречается упоминание о Херсонесе. Сочинение, сохранившееся под его именем, как считают исследователи, ему не принадлежит, оно было составлено в 30-е годы IV в. до н.э., а затем дополнено позднейшими вставками. С последней трети IV в. до н.э. этот перипл служил руководством для мореходов, ходивших по Средиземному и Чёрному морям [8, с. 97]. В § 68 Перипла после описания Западного берега Чёрного моря упомянут эмпорий Херсонес: «Скифия. Тавры. За Фракией жи-

вут скифы, и у них такие греческие полисы: река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса. За Скифией мыс материка населяют тавры, этот мыс вдаётся в море. В Таврике же эллины населяют такие полисы: эмпорий Херсонес; Бараний Лоб, мыс Таврики. После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китя, и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий. От Истра к Бараньему Лбу три дня и три ночи прямого плавания, каботажного же вдвое дольше: здесь ведь существует залив...» [15, с. 466]. В.И. Кац считает особо важным, что Херсонес назван именно эмпорием, по его мнению, это даёт ключ к пониманию экономической и политической структуры Херсонеса на раннем этапе его существования [8, с. 99]. На данный момент не существует точного определения термина «эмпорий», но обычно он применялся к поселениям с торговой направленностью экономики и ко всем пунктам морской торговли (отметим, что все остальные греческие города названы автором именно термином «полис»). Важно для нас и замечание Псевдо-Скилака о длительности плавания по прямому пути от Истра до мыса Бараний лоб. Это свидетельствует о том, что плавание было не только каботажным, но уже использовался и прямой маршрут (в обход Ольвии и Керкинитиды).

Перипл Псевдо-Скимна, составленный в конце II в. до н.э., сохранил для нас единственное указание на обстоятельства основания Херсонеса: "...который основали гераклеоты и делосцы согласно некоему прорицанию, данному гераклеотам ...заселить полуостров вместе с делосцами" [16, с. 466]. Этот отрывок свидетельствует о непосредственной культурной связи херсонеситов с Делосом (можно даже сказать, духовной связи). Псевдо-Скимн указывает на некоего оракула, прорицание которого явилось толчком к выводу колонии, в этом оракуле исследователи склонны видеть Аполлона Дельфийского [4, с. 104.]. А в таком случае это свидетельствует о наличии тесных культурных связей Херсонеса с Дельфами.

Что же касается «Корпуса речей Демосфена», то в нашем распоряжении имеются исследования текста «Корпуса» на предмет отражения в нём морской торговли Афин с Северным Причерноморьем в период с 355/354 до 323-322 гг. до н.э. [12]. В «Корпусе.» выделяются три основных направления морских торговых путей:

- западное;
- юго-восточное;
- северное (Афины - Боспор; Афины - Пантикапей; Афины - Менда (или Скиона) - Пантикапей; Афины - Менда (или Скиона) - Ольвия.

Плавание по последнему маршруту предполагалось не напрямик, а вдоль западного берега Чёрного моря. В текстах не указываются товары, вывозимые в Афины с Боспора, видимо, по причине того, что единственным товаром был хлеб (на долю которого приходится почти половина всего импортируемого Афинами зерна), также упоминаются шкуры [12, с. 5]. Помимо Афин, хлеб с Понта вывозился в Маронею и, возможно, на Хиос. Создание такого порта, в котором проходила погрузка хлеба для отправки в Афины, требовало организации специальной административной структуры, которая бы контролировала процесс. Вероятно, в Херсонесе, так же, как и на Боспоре, такая структура существовала. Импортируемые товары из Афин выявить более сложно, среди них можно назвать столовую посуду, которая часто встречается при раскопках классических и эллинистических слоёв. В речи XXXV имеется упоминание о вывозе вина на Понт с Пепарета, Коса, Фасоса и Менды [7, с. 438].

Как видим, скудный круг письменных источников даёт нам лишь самые общие сведения о связях Херсонеса с Грецией: культурные связи установлены с Делосом и Дельфами, торговые - с Атикой, Пепаретом, Косом, Фасосом, Мендой. Экспортируемые товары: хлеб (и возможно, шкуры); импортируемые - вино и, возможно, благовония. Хронологически эти свидетельства охватывают период со второй половины IV - до конца II вв. до н.э.

Группа **эпиграфических источников** по данной теме более многочисленна и разнообразна. Здесь мы имеем в своём распоряжении лапидарные надписи (присяга херсонеситов, проксении, надгробия и др.) и граффити на керамических изделиях (посвящения богам, торговые метки, имена владельцев, остраконы). Стоит отметить широкую информативность этого круга источников: мы получаем сведения о составе населения Херсонеса, о том, каким наречием древнегреческого языка это население пользовалось, о культах бо-

жеств, почитавшихся в городе и на хоре, и, наконец, о торговых и культурных связях Херсонесского государства.

Наиболее знаковым лапидарным памятником Херсонеса, несомненно, является Присяга рубежа IV-III вв. до н.э. Нас здесь интересует следующий фрагмент: *«хлеба, свозимого с равнины, не буду продавать и вывозить в другое место с равнины, но только в Херсонес»*. Этот фрагмент свидетельствует о том, что Херсонес, так же как и города Боспора, участвовал в торговле хлебом с Грецией (хотя и в значительно меньших масштабах, особенно если учесть «экстраординарные» боспорские поставки в 2 100 000 медимнов (ок. 87 675 тонн) [23, с. 94]. В.А. Кутайсов указывает на то, что основные торговые операции по торговле хлебом в государстве были сосредоточены именно в Херсонесе, следствием чего он называет почти полное исчезновение херсонесской монеты с внутреннего рынка Керкинитиды (где хлеб был основным экспортным товаром) в конце IV - первой трети III в. до н.э. [10, с. 76].

Наиболее ранняя из найденных в Херсонесе проксений принадлежит родосцу Тимагору, и датируется она III в. до н.э. [21, с. 12].

«Проксения Тимагора Род[осца].

[Совет] и народ дал. Теотим, [сын...] и

[Анти]гон, сын Прона, сына Автея, сказали: [дать Тимаго]

[ру, сыну] Никагора, родосцу проксению и пра[ва гражданства]

[самому] и роду его и право въезда и выезд[да им самим]

[и имущес]тву их в мирное и военное время...».

Можно предположить, что проксения носила торговый характер. Интересно, что дорические проксении обычно отличаются краткостью и консерватизмом используемых формул. В Херсонесе же наблюдается иная картина: декреты близки к более пространным ионийским, особенно чётко это проявляется в памятниках римского времени [13, с. 107]. Кроме того, херсонесские проксены получали политию, т.е. право гражданства, что редко встречается у дорических государств, но весьма распространено среди ионийских. И.П. Никитина объясняет это, в первую очередь, следствием влияния соседних ионийских полисов, а также Аттики и центров островной Греции [13, с. 107].

Что же касается проксений, данных херсонеситам за пределами Причерноморья, то нам известны декреты из Оропа, Дельф и Делоса.

Из Оропа происходит два декрета (датирующиеся началом II и I вв. до н.э.). Первый дан неизвестному для нас херсонеситу: *«предложил. Да решит народ: да будет ... херсонесит с Понта проксеном города оропцев и сам, и его потомки; и да будет у них (право) приобрести землю и дом, равенство в налогах, неприкосновенность и безопасность во время войны и мира и на суше, и на море, и всё прочее, как и у остальных проксенов. Голосование вёл Гермодор, сын Олимпиха»*. Второй, аналогичный по формуле декрет, дарован херсонеситу Ксенону. Как отмечает Б.Н. Граков, эти декреты свидетельствуют о почитании в Херсонесе оракула Амфиарая, святилище которого располагалось в Оропе [5, с. 246].

Из Дельф нам известны три декрета о проксении (датируемые сер. III и началом II вв. до н.э.). Первый Декрет в честь феоров припонтийских и других городов датируется серединой III в. до н.э. В нём числится херсонесит Сокрит, сын Кратона: *«Дельфийцы даровали ... самим и потомкам, проксению, промантейю, продикию, проэдрию, неприкосновенность, право принимать феоров, свободу от всяких налогов и всё остальное, что остальным проксенам и благодетелям»*. Также в нём упоминаются ольвиополит Дионисий и пантикапеец Никий [5, с. 247]. Второй декрет начала II в. до н.э. (192 г.) свидетельствует о даровании дельфийцами промантии жителям Херсонеса Таврического за щедрый приём дельфийских послов в Херсонесе и проксении херсонеситам Формиону и Гераклиду за ответное посольство и совершение ими жертвоприношения Аполлону и Афине в Дельфах [5, с. 249]. Также к началу II в. до н.э. относится Каталог дельфийских проксенов (списки проксенов с 197 по 175 гг.), среди которых встречаются уже известные нам Формион, сын Питиона, Гераклид, сын Биста, и Гимн, сын Скифа, а также пантикапеец Никон. В связи с совпадением даты дарования проксении, данной Гимну, сыну Скифа, со временем проведения Пифийских игр 194 г. до н.э. вероятным кажется, что Гимн мог принимать участие в

играх или даже быть победителем соревнований [5, с. 250]. Помимо проксений, о связях Херсонеса с Дельфами свидетельствует упоминание херсонесита, сына Биона, в Перечне денежных пожертвований в Дельфийский храм в период с 370/369 по 308 г. [5, с. 246].

С Делоса происходят несколько разнохарактерных памятников III-II вв. до н.э.: надписи о пожертвовании херсонеситами серебряных фиал в сокровищницу Делосского храма, отчёты о ссудах на проведение Херсонесий, и декрет об увенчании херсонесита лавровым венком. Надписи о пожертвовании фиал херсонеситами имеются в Отчётах гиеропеев (нас интересуют наиболее информативные из них - за 276, 269, и 235/234 гг. до н.э.). Каждое из этих сообщений несёт часть общей информации:

- 1) время пожертвования;
- 2) вес фиал (в отчёте 269 г. определяется в 100 драхм);
- 3) в отчёте 235/234 зафиксирован факт расположения фиал рядом с фиалой, посвящённой Перисадам [5, с. 259-260].

В Отчётах гиеропеев второй половины III в. до н.э. есть упоминания о ссудах на проведение Херсонесий. Херсонесии проводились на Делосе в месяце Ленеоне (январь-февраль) на специальные средства храма и включали в себя жертвоприношения на сумму в 400 (!) драхм [5, с. 262]. Началом II в. до н.э. датируется Декрет об увенчании херсонесита: «...в (праздник) Аполлоний, когда хоры юношей состязаются, что венчает народ делосцев (такого-то), сына Аполлония, херсонесита, лавровым венком за добродетели, благочестие к святилищу и благорасположение к народу...». А.И. Тюменев и Б.Н. Граков полагают, что, учитывая весьма оживлённые связи Делоса с Херсонесом Таврическим, этот декрет относится именно к гражданину последнего полиса [5, с. 256]. В декрете II в. до н.э. значится херсонесит Аполлонид, сын Аполлония, который трижды был награждён венком [17, с. 41]. Интересно замечание Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарёва о появлении в Херсонесе именно во II в. до н.э. теофорного имени Д^АХю^А, зафиксированного в посвящении Деве, которое происходит от эпиклеса Аполлона Делия [4, с. 121].

Среди Афинских надписей также встречаются упоминания херсонеситов, но, к сожалению, их принадлежность именно к Херсонесу Таврическому на данный момент остаётся спорной. Например, надгробие начала IV в. до н.э. херсонесита Гераклита, сына Навклеса. Родину Гераклита Б.Н. Граков осторожно отождествлял с Херсонесом Таврическим [5, с. 289], а И.Б. Брашинский больше склонялся к версии о связи Гераклита с Херсонесом Фракийским. По мнению исследователя, Фракийский Херсонес в то время имел с Афинами довольно оживлённые связи, в отличие от такого малозначительного центра, каким был на тот момент Херсонес Таврический [3, с. 150]. В Каталоге неизвестного назначения, составленном около 180 г. до н.э., упоминаются херсонеситы Самос и Аттинас. Отношение их именно к Таврическому Херсонесу Б.Н. Граков предполагает в связи с именем Аттинас, которое нередко встречается в местных надписях [5, 280]. Псефисма конца II в. до н.э. содержит похвалу эфебам и их учителям, после которой идёт закон саламинцев в честь тех же эфебов, и в их числе среди иностранцев упоминается «[Аполлод]ор, сын Аполлония, керкинит» [5, с. 244]. Об участии херсонеситов в панэллинских праздниках свидетельствует и бронзовая гидрия, найденная в склепе № 1012 К.К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках в 1899 г. По краю венца нанесена надпись «приз с праздника Анакий» [9, с. 7]. Праздник Анакий проводился в честь Диоскуров, а их святилище - Анакии - располагалось недалеко от Афин. В гидрии были найдены жжёные кости, пепел, украшения из серебра и золота второй половины IV в. до н.э. [6, 23].

Из надгробных памятников нам интересна наиболее ранняя метрическая эпитафия рубежа IV-III вв. до н.э. - Лесханорида, сына Евклеса, врача с Тенедоса:

*«Сыну воздвиг своему, усопшему Лесханориду,
Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Евклес»* [22, с. 96].

Лесханорид, также как и отец, был врачом, на что указывают изображенные медицинские инструменты. Это первое свидетельство о связях Херсонеса с городом Тенедосом и одноимённым островом. Э.И. Соломоник предположила, что, возможно, на этом острове существовал неизвестный пока по письменным источникам медицинский центр, ученики которого практиковали во всей Греции, в том числе и Херсонесе [22, с. 99]. Второе надгроб-

бие принадлежит врачу Дионисию, сыну Пантагнота, датируется оно, так же как и первое, концом IV - началом III вв. до н.э. Если имя Дионисий весьма распространено как в Херсонесе, так и во всех других греческих полисах Северного Причерноморья, то патронимик Пантагнот, как отмечает Э.И. Соломоник, встречается здесь впервые. Он известен на Самосе (Полигнот был братом Поликрата, правителя Самоса (середина - третья четверть VI в. до н.э.) [22, с. 100]. Надписи на надгробиях выполнены на аттическом и дорийском диалектах (употребляется дорийская форма слова $\upsilon\upsilon\wedge$ - $\upsilon\upsilon\alpha$, встречаются мужские имена в родительном падеже с окончанием на -а в дорийской форме соответствующее аттическому -ои [18, с. 124], в мужском роде родительного падежа окончание - $\epsilon\upsilon\wedge$ [18, с. 145].

В связи с приведённой выше проксенией хрсонеситам из Дельф, где имеется указание на жертвоприношение Аполлону и Афине, стоит упомянуть мраморную базу статуи второй половины-конца IV в. до н.э., на которой сохранилась посвятельная надпись Афине Сотейре [20, с. 8]. Э.И. Соломоник обращает внимание на достаточно внушительный размер статуи (высота ок. 3-3,5 м), вычисленный благодаря сохранившимся следам стоп богини. Как предполагает исследовательница, эта статуя находилась не в храме или на площади, а скорее на берегу моря, откуда она была видна всем проходившим кораблям. Культ Афины, по мнению Э.И. Соломоник, носил общегосударственный характер наравне с культом Геракла. Афина также была особо почитаема в Мегарах, где на акрополе ей было посвящено три храма; в Афинах, Пирее, а также на Родосе и Косе, она покровительствовала кораблестроению и терпящим кораблекрушение [20, с. 9-10]. В.В. Латышев сопоставил подпись скульптора Поликрата с мастером из Афин первой половины IV в. до н.э., но оговорив и возможность её местного происхождения. Э.И. Соломоник предложила несколько иную версию: поскольку время деятельности мастера из Афин расходится со временем появления статуи, то её создателем мог оказаться и ученик Поликрата, который по обычаю указал имя своего учителя [20, с. 11].

Более массовой группой эпиграфических источников являются граффити. На данный момент мы имеем в своём распоряжении опубликованные и проанализированные находки с территории городища, с его ближней и дальней хоры. Среди граффити на чернолаковых сосудах последней четверти V в. до н.э. (они предшествуют наиболее ранним известным нам лапидарным памятникам) встречаются посвящения Зевсу Сотейру, Артемиде и Аполлону, Кибеле, героям Гераклу и Ахиллу. Как отмечает Э.И. Соломоник, в Херсонесе Геракл имел охранительные функции (в подобной роли выступает Ахилл в Ольвии), и в связи с этим его почитание распространялось на территорию всего государства, включая хору. Известны находки рельефов с изображением Геракла и посвятельных надписей на многих поселениях хоры Херсонеса [18, с. 12]. Геракл считался родоначальником дорийцев и особо почитался в метрополии Херсонеса Гераклея Понтийской, Коринфе и других дорических областях Греции. Граффити эллинистического времени впервые засвидетельствовали существование в Херсонесе, помимо культа Геракла, культов Геры, Артемиды, Аполлона [1, с. 75], Лето, Афродиты, Гермеса, Ахилла, Матери богов, Эрота, Харит, Ники, возможно - Асклепия, Сераписа, Исиды, Ифигении, Посейдона, Арея, и Гебы. Имена Партенос, Афины, Деметры, Диониса встречающиеся на лапидарных надписях, повторяются и на сосудах. В Херсонесе известны совместные посвящения Гераклу и Деметре, а вместе с Корой их почитали в Аттике, где Геракл изображался в числе элевсинских божеств [14, с. 150]. Двойной культ Геракла (бога-героя), известный в Сикионе, Милете, и возможно, на Фасосе, скорее всего, существовал и в Херсонесе. Э.И. Соломоник в этой связи указывает на граффито НВА (III в. до н.э.), посвященное дочери Зевса Гебе, которая стала женой Геракла после того, как ему было даровано бессмертие [19, с. 17]. В Херсонесе существовал совместно с культом Девы и самостоятельный культ Артемиды, который также характерен для дорийцев и известен в Мегарах и Каллатии.

Среди надписей с именами и этниконами имеется граффито на донной части чаши конца IV- начала III вв. до н.э. (№1208) с аббревиацией из двух слов: [M]EΓAP и EY. Первое слово расшифровывается исследователями как этникон «мегарец», а второе как начало имени [2, с. 92]. Монограмме ATB, если читать её как TAV (в зависимости от расположения букв), в качестве ближайшей аналогии исследователи дают название нескольких

городов в Малой Азии - Таваі (в Кариі, Ликийи и Киликийи). А граффито МАШНЕТЕ (№1209) может быть связано с названием городов в Кариі и Фессалии. Надпись РОДЮ на дне чаши кон. IV в. до н.э. (№1468) соответствует этнику Робю[^] - родосец [2, с. 12]. Среди граффити, так же как и среди лапидарных памятников (надгробий), Э.И. Соломоник выделяет дорийские формы имён и их склонений и ионизмы (напр. № 1269 Nsu[^]vio[^] и № 1540 NsunoXi[^]) [2, с. 14].

Как видим, эпиграфические источники достаточно информативны. Они засвидетельствовали связи Херсонеса с Родосом, Оропом, Дельфами, Делосом, Тенедосом, Мегарами, возможно, Самосом. Как свидетельствуют надгробные надписи и граффити на сосудах, жители города использовали и дорийский, и ионийский диалекты древнегреческого языка. Лапидарные памятники, в частности, Присяга граждан Херсонеса свидетельствуют о значительной роли хлебной торговли в экономике государства. Проксения, дарованная родосцу Тимагору в начале III в. до н.э., фиксирует наличие прямых торговых связей между Херсонесом и Родосом (в этом случае мы можем предполагать существование аналогичных связей между Херсонесом и Афинами). Культурные связи с Оропом (возможно, почитание в Херсонесе оракула Амфиарая) и Дельфами в III-II вв. до н.э. отражены в проксениях, дарованных гражданам Херсонеса в этих центрах.

Проксении, дарованные херсонеситам делосцами, появление в Херсонесе теофорного имени Д[^]Хю[^], а также сообщения о проведении на Делосе праздника Херсонесии свидетельствуют о тесных культурных связях Херсонесского государства с Делосом в это же время. Среди лапидарных памятников из Афин мы можем уверенно назвать пока лишь только один, точно фиксирующий связь Херсонеса с этим центром. Бронзовая гидрия - приз с праздника Анакий - ещё одно свидетельство участия херсонеситов в панэллинских праздниках. Надгробные стелы врачей Лесханорида, сына Эвклеса, и Дионисия, сына Пантагнота, рубежа IV-III вв. до н.э. позволяют назвать их родину, откуда они прибыли в Херсонес - остров Тенедос и, возможно, Самос. Граффити на чернолаковых сосудах отражают особенности херсонесского пантеона и свидетельствуют о проживании в Херсонесе переселенцев (или гостей) из Мегар, Родоса, возможно, Кариі. Среди надгробий и граффити встречаются формы дорийского, ионийского и аттического диалектов.

Таким образом, в интересующий нас период времени наиболее ранние свидетельства связей Херсонеса с Эгеидой в письменных свидетельствах и эпиграфике датируются второй половиной IV в. до н.э., а наиболее поздние - II-I вв. до н.э. Данные этих групп источников позволяют предполагать постоянный характер культурных связей херсонеситов с Дельфами и Делосом в эллинистический период. Что же касается характеристики направлений и динамики внешней торговли, то здесь для построения полной картины нам не обойтись без привлечения данных археологии.

Источники и литература.

1. Бабинов Ю.А. Посвятительные граффити из Херсонеса Таврического (Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича) // ВДИ. №4. 1970. С. 73-79.
2. Бабинов Ю.А., Курганова С.И., Николаенко Г.И., Соломоник Э.И., Лисовой И.А., Шевченко А.В. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). К., 1978. 171 с.
3. Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. М., 1963. 176 с.
4. Виноградов Ю.Г., Золотарёв М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. М., 1999. С. 91-129.
5. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. №3. С. 237-315.
6. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. 1. 1926. 72 с.
7. Демосфен. Речи. В 3 т. / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М., 1994. Т. I. 608 с.
8. Кац В.И. Эмпорий Херсонес // АМА. Вып. 7. 1990. С. 97-111.
9. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году (с 1 табл. и 55 рис.) // ИАК. Вып. 1. 1901. С. 1-55.
10. Кутайсов В.А. Керкинитида в античную эпоху. К., 2004. 326 с.
11. Латышев В.В. Греческие и латинские надписи найденные в Южной России в 1889-1891 годах // МАР. 1892. № 9. С. 3.

12. Маринович Л.П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // ПИФК. XVI/1. 2006. С. 4-30.
 13. Никитина И.П. Проксении Херсонеса Таврического // АДСВ. Вып. 15. 1978. С. 98-111.
 14. Новосадский И.Н. Элевсинские мистерии. СПб., 1887. 183 с.
 15. Псевдо-Скилак. Перипл обитаемого моря // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. СПб.: 2000. С. 466.
 16. Псевдо-Скимн, Землеописание // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. СПб., 2000. - 606. С. 460.
 17. Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. К., 2009. 363 с.
 18. Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса: лапидарные надписи. К., 1973. 282 с.
 19. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. К., 1984. 143 с.
 20. Соломоник Э.И. О культе Афины в Херсонесе в IV-III вв. до н.э. // АДСВ. Вып. 21. 1984. С. 7-14.
 21. Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса: Греческие лапидарные надписи античного времени. Симферополь, 1990. 112 с.
22. Соломоник Э.И., Антонова И.А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. 1974. №1. С. 93-102.

Сокращения.

АДСВ -	Античная древность и Средние века
АМА -	Античный мир и археология
ВДИ -	Вестник Древней истории
ИАК -	Известия Императорской Археологической комиссии
МАР -	Материалы по археологии России
ПИФК -	Проблемы истории, филологии, культуры
ХСб. -	Херсонесский сборник